

УДК 351.88

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-10-29

Дипломатический чиновник в Порт-Артуре

Владимир И. Куликов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kulikov_59@mail.ru*

Аннотация. В статье, основанной на документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и законодательных актах, исследуются создание, компетенция, состав, деятельность дипломатической части в Порт-Артуре. Она была учреждена в августе 1899 г. и функционировала первоначально при главном начальнике Квантунской области, а с 1903 г. – при наместнике на Дальнем Востоке. В центре внимания автора должность дипломатического чиновника в Порт-Артуре. Он состоял в ведомстве Министерства иностранных дел, но непосредственно подчинялся высшему должностному лицу Квантуна. Дипломатические канцелярии существовали во многих приграничных генерал-губернаторствах империи и занимались обеспечением реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов и наместников, а также решением пограничных вопросов с соседними государствами. На основе сравнительного анализа положения дипломатической части в Порт-Артуре с аналогичными структурами при генерал-губернаторах внутренних окраин России делается вывод, что, хотя они действовали в схожих организационных и правовых рамках, само учреждение должности дипломатического чиновника в эксклаве России являлось новацией в административной практике. Участие России в военных конфликтах на Дальнем Востоке, включение Маньчжурии в сферу ее влияния, образование наместничества в дальневосточном регионе – все это, вместе взятое, оказывало определяющее воздействие на круг предметов ведения, кадровый состав, характер деятельности, объем финансирования дипломатической части в Порт-Артуре. Потеря Ляодунского полуострова и последующее упразднение наместничества привели к расформированию дипломатической канцелярии в Порт-Артуре.

Ключевые слова: история государственного управления, Квантунская область, Дальневосточное наместничество, дипломатический чиновник при генерал-губернаторе, Е.И. Алексеев, И.Я. Коростовец, Г.А. Плансон

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.;

принята к публикации 16 августа 2024 г.

Для цитирования: Куликов В.И. Дипломатический чиновник в Порт-Артуре // История и архивы. 2024. Т. 6. № 4. С. 10–29. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-10-29

A diplomatic official in Port Arthur

Vladimir I. Kulikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kulikov_59@mail.ru*

Abstract. The article, based on the documents from the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire and the legislative acts, examines the creation, competence, composition, and activities of the diplomatic office in Port Arthur. It was established in August 1899 and functioned initially under the chief of the Kwantung region, and since 1903 – under the Governor of the Far East. The author focuses on the position of a diplomatic official in Port Arthur. He belonged to the department of the Ministry of Foreign Affairs, but directly reported to the highest official of Kwantung. Russian diplomatic offices existed in many border governorates of the Empire and were engaged in ensuring the implementation of the foreign policy powers of Governors-General and Governors, as well as in resolving border issues with the neighboring states. Based on a comparative analysis of the status of the Port Arthur diplomatic office with the position of similar structures under the Governors-General of Russia's inner peripheral regions, it is concluded that although they operated within similar organizational and legal frameworks, the very establishment of the post of a diplomatic official in the exclave of Russia was an innovation for administrative practice. Russia's participation in the military conflicts in the Far East, the inclusion of Manchuria in its sphere of influence, the formation of a governorship in the Far Eastern region – all of that combined had a defining impact on the scope of competence, personnel, activity pattern and the funding volume for the diplomatic office in Port Arthur. The loss of the Liaodong Peninsula and the subsequent abolition of the governorship led to the disbandment of the Port Arthur diplomatic chancery.

Keywords: history of public administration, Kwantung region, Far Eastern governorship, diplomatic official under the Governor-General, E.I. Alekseev, I.Ya. Korostovets, G.A. Planson

The article was submitted for publication 10.02.2024;

accepted for publication 16.08.2024.

For citation: Kulikov, V.I. (2024), "A diplomatic official in Port Arthur", *History and Archives*, vol. 6, no. 4. pp. 10–29, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-10-29

Введение

Огромная протяженность Российской империи и отдаленность от центра ее окраин, прежде всего азиатских, обусловили важную роль приграничных генерал-губернаторов и приравненных к ним лиц в осуществлении внешней политики. Начальники приграничных территорий получили право вступать в сношения с местными властями соседних азиатских стран, что, в свою очередь, предполагало создание механизма реализации их внешнеполитических полномочий. С этой целью при генерал-губернаторах и наместниках учреждалась дипломатическая часть. В организационном отношении она могла представлять собой либо структурное подразделение канцелярии генерал-губернатора, либо учреждение, приравненное к канцелярии, но независимое от нее и подчинявшееся на местном уровне только генерал-губернатору. Возглавлял ее чиновник по дипломатической части, или дипломатический чиновник. Фактически он находился в двойном подчинении – Министерства иностранных дел и генерал-губернатора.

В системе МИД дипломатические чиновники при начальниках приграничных территорий известны с 1820 г., когда при Оренбургском военном губернаторе П.К. Эссене появился особый чиновник для «политических сношений, от МИД определяемый» [Кудрявцева 2018, с. 53]. Непродолжительное время (1822 г.) на должности секретаря по дипломатической части при главноуправляющем Грузии генерале А.П. Ермолове служил писатель и дипломат А.С. Грибоедов [Иконникова 2012, с. 26]. Позже должности чиновников по дипломатической части появляются в других регионах империи – в Царстве Польском, при канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в Одессе, при рижском военном генерал-губернаторе, при киевском и виленском военных губернаторов и даже при военном генерал-губернаторе в Москве [Кудрявцева 2018, с. 51]. Но все же данный институт был более типичным для азиатских окраин России: в конце XIX – начале XX в. дипломатические чиновники при региональных начальниках служили в Ташкенте, Асхабаде, Хабаровске, Иркутске, а также в Маньчжурии и Порт-Артуре. Если назначение чиновников по дипломатической части во внутренние районы страны считалось обычной управленческой практикой, то учреждение этой должности в Маньчжурии и Порт-Артуре являлось новацией и диктовалось активизацией внешнеполитической деятельности России на Дальнем Востоке.

В последнее время наблюдается заметный рост интереса исследователей к институту дипломатического чиновника. В этом отно-

шении более других изучен дипломатический чиновник при приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске [Иконникова 2001; Нестерова 2004; Сорокина 2005; Иконникова 2012; Куликов 2021; Куликов 2023], что отчасти объясняется сосредоточением значительной части документов о его деятельности в одном архивном фонде – фонде № 327 Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Тем не менее приходится констатировать, что институт дипломатического чиновника изучен недостаточно, а главное – неравномерно в территориальном аспекте. Цель настоящей статьи – исследование института дипломатического чиновника в Порт-Артуре: при начальнике Квантунской области, затем при наместнике на Дальнем Востоке. Основными источниками при ее написании послужили документы АВПРИ, прежде всего фондов: 326 (Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке), 143 (Китайский стол) и 327 (Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе). Кроме того, были привлечены законодательные акты, включенные в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), а также воспоминания и дневники лиц, в том числе лиц, замещавших должность чиновника по дипломатической части в Порт-Артуре¹.

Дипломатический чиновник при начальнике Квантунской области

На рубеже XIX–XX вв. центр международной политики постепенно перемещается на Дальний Восток. Вслед за другими великими державами Россия активизирует свою политику в регионе. В марте 1898 г. она добилась у Китая права аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, где учреждалась особая административная единица – Квантунская область. Первоначально областью управляли военные во главе с командующим Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралом Ф.В. Дубасовым [Павлов 2018, с. 96]. Для осуществления контактов с китайскими учреждениями и населением на арендованной Россией территории в распоряжение Дубасова по решению Министерства иностранных дел был прикомандирован коллежский асессор Н.Ф. Колесов [Шаронова 2021, с. 457]. Его включили в состав смешанной русско-китайской комиссии по определению пограничной линии Квантунской области. Наряду с исполнением отдельных дипломатических поручений он занимался переводом на русский язык документов об организации управ-

¹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922; Плансон Г.А. *Дневник* // ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 211–213. Часть дневника Плансона за 1904 опубликована – См.: Красный архив. 1930. № 4–5 (41–42).

ления Квантуном до занятия его русскими войсками². Таким образом, уже на этапе становления российской власти на полуострове в Порт-Артуре появляется своеобразный предтеча дипломатического чиновника.

В сентябре 1898 г. начальника Квантуна (а им к этому времени стал бывший военный губернатор Приморской области российский генерал сербского происхождения Д.И. Суботич) подчинили приамурскому генерал-губернатору в Хабаровске, при котором с января 1897 г. официально функционировала отдельная дипломатическая канцелярия с дипломатическим чиновником во главе [Сорокина 2005, с. 232]. Впрочем, отдаленность Порт-Артура от Хабаровска не позволяла полностью отказаться от назначения чиновника МИД в Квантуне. Однако при обсуждении вопроса о его служебном положении между ведомствами возникли серьезные разногласия: кому он непосредственно должен подчиняться – миссии в Пекине (как первоначально предлагал МИД) или начальнику Квантунской области; каков будет круг предметов его ведения – получит ли он право самостоятельных сношений с МИД и его представителями в Китае, или его функционал ограничится исполнением канцелярских обязанностей при начальнике области³.

На Особом совещании, созванном в марте 1899 г. под председательством графа Д.М. Сольского, большинство министров высказались за учреждение в Порт-Артуре должности дипломатического чиновника, подчиненного начальнику Квантунской области (в материалах совещания эта должность именовалась комиссаром по дипломатической части)⁴. 16 августа 1899 г. Николай II подписал Временное положение об управлении Квантунской области. Согласно данному документу, главный начальник области, одновременно являвшийся «командующим войсками области и морскими силами Тихого океана», выводился из подчинения приамурского генерал-губернатора⁵. Через три дня этот пост занял вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев. Поскольку за главным начальником Квантуна, как и за генерал-губернаторами приграничных территорий России, сохранили право внешних сношений, при нем учреждалась должность чиновника по дипломатической части. Последний определялся и увольнялся по представлению МИД высочайшими приказами. На дипломатического чиновника возлагалось ведение переписки главного начальника Квантунской области с погранич-

² АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1541. Л. 206, 225.

³ Там же. Д. 1540. Л. 2–3.

⁴ Там же. Д. 1541. Л. 81/15.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. 19. № 17513. С. 949.

ными китайскими властями, с Министерством иностранных дел, а также с российскими дипломатическими и консульскими учреждениями в Китае, Японии и Корее. В аппарате дипломатической части предусматривалась должность драгомана. Дипломатический чиновник и драгоман при нем по закону числились по Министерству иностранных дел⁶. На содержание дипломатической части по смете МИД ежегодно выделялось 13 тыс. 250 руб., что почти в два раза превышало сумму, выделяемую на содержание дипломатической части в соседнем Приамурском генерал-губернаторстве⁷. Дипломатическому чиновнику при главном начальнике Квантунской области присваивался V класс по Табели о рангах (для сравнения укажем, что аналогичной должности при приамурском генерал-губернаторе присваивался только VI класс). Чиновник по дипломатической части в Порт-Артуре, в отличие от дипломатических чиновников внутренних генерал-губернаторств России, по закону включался в состав совета, образуемого при главном начальнике области⁸.

Первым дипломатическим чиновником при главном начальнике Квантунской области стал Иван Яковлевич Коростовец. К моменту назначения в Порт-Артур за его плечами имелся пятнадцатилетний опыт дипломатической деятельности как на Западе, так и на Востоке. Окончив в 1884 г. Александровский лицей и сдав положенный при поступлении в МИД дипломатический экзамен, Коростовец получил назначение в Азиатский департамент. В 1890 г. его переводят в заграничный аппарат министерства: он служит в российских представительствах в Пекине, Рио-де-Жанейро, Лиссабоне, командировается со специальной миссией в Марокко. Коростовец проявил себя не только как дипломат, но и как ученый-китаист: в это время в столичных журналах «Русский Вестник», «Вестник Европы», «Русский архив» появляются его статьи по истории, экономике и культуре Китая. В мае – июне 1899 г. Коростовец как представитель МИД работал в составе комиссии по разработке положения по управлению Квантунской областью и по поручению министерства подготовил записку о статусе чиновника по дипломатической части

⁶ Там же. С. 954.

⁷ По штатному расписанию, утвержденному 16 августа 1899 г., чиновник по дипломатической части получал 8000 руб. (из них жалование – 3200 руб., столовые – 3200 руб., квартирные – 1600 руб.), состоявший при нем драгоман – 3750 руб. (жалование – 1500 руб., столовые – 1500 руб., квартирные – 750 руб). Кроме того, на канцелярские расходы, отопление, освещение, наем писцов и сторожей выделялось еще 1500 руб. – см.: ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 19. Ч. 2. С. 136.

⁸ Там же. № 17 513. С. 950.

в Порт-Артуре, в которой обосновывал необходимость предоставления ему более широких полномочий по сравнению с дипломатическими чиновниками при туркестанском и приамурском генерал-губернаторах⁹. Таким образом, И.Я. Коростовец как никто другой подходил к занятию этой должности. В августе 1899 г. последовало его назначение на должность чиновника по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области вице-адмирале Алексееве, и в декабре того же года он прибыл в Порт-Артур [Турилова, Орлов 2015, с. 209–210]. Еще по пути к месту службы Коростовец приступил к комплектованию вверенной ему дипломатической части. Министерство иностранных дел предполагало назначить драгоманом в Порт-Артур студента российской миссии в Пекине титулярного советника Петра Генриховича Тидемана, стажировавшегося в Китае уже более трех лет. Однако сам Тидеман мечтал о занятии должности секретаря в одном из российских консульств на Востоке, о чем он откровенно написал в письме Коростовцу, и, лишь заручившись обещанием российского посланника в Пекине М.Н. Гирса включить его в резерв на занятие в случае открытия вакансии должности секретаря консульства, он дал свое согласие на назначение драгоманом¹⁰. В конце января 1900 г. Тидеман прибыл в Порт-Артур и поступил в распоряжение Коростовца¹¹. Кроме того, в состав управления дипломатической части были приняты по вольному найму два китайских письмоводителя – Шао Сяньцяо и Чжао Сюаньтан¹².

Начальный этап деятельности дипломатической части при начальнике Квантунской области совпал с резким обострением внутривосточной обстановки в Китае. Осенью 1899 г. там вспыхнуло восстание ихэтуаней (боксерское восстание). К маю 1900 г. повстанцы овладели значительной частью Маньчжурии и приступили к подготовке наступления на Пекин. Российское правительство вместе с другими иностранными державами приняло участие в подавлении восстания. В соответствии с приказом вице-адмирала Алексеева, направленного во главе российского экспедиционного корпуса в район, охваченный восстанием, Коростовец и Тидеман были прикомандированы к его походному штабу¹³. При этом Коростовец, после освобождения от повстанцев Тяньцзиня, почти месяц возглавлял тамошнее российское консульство и по поручению

⁹ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1540. Л. 24–27.

¹⁰ Там же. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 1. Л. 98–99.

¹¹ Там же. Л. 105.

¹² Там же. Л. 241.

¹³ Там же. Л. 64.

Алексеева осуществлял контакты с дипломатами и военными чинами союзных держав, участвовавших в подавлении восстания (так называемый Альянс восьми держав), а Тидеману временно поручили исполнение обязанностей Коростовца по должности дипломатического чиновника¹⁴. Только во второй половине сентября 1900 г. оба дипломата получили разрешение вернуться в Порт-Артур.

Еще в июне 1900 г. было удовлетворено ходатайство МИД, в соответствии с которым в законодательном порядке были внесены изменения в штаты дипломатической части при главном начальнике Квантунской области: должность драгомана, которую занимал Тидеман, преобразовали в должность секретаря-драгомана при чиновнике по дипломатической части¹⁵. Хотя это являлось незначительным повышением статуса должности, оно, по всей видимости, удовлетворило Тидемана. К тому же он дорожил расположением со стороны вице-адмирала Алексеева, высказавшемся за то, чтобы удержать Тидемана в Порт-Артуре. Поэтому, когда в январе 1901 г. стало известно о предстоящем открытии трех вакансий по должности секретаря в российских консульствах в Китае, Тидеман предпочел остаться на службе в Порт-Артуре, но с условием, что ему будет предоставлен отпуск по истечении пятилетнего срока пребывания в Китае¹⁶.

После подавления восстания ихэтуаней русские войска остались на территории Маньчжурии. Ответственность за управление на оккупированной территории была разделена Петербургом между приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым (Хэйлунцзянская и Гиринская провинции) и вице-адмиралом Алексеевым как главным начальником Квантунской области (Мукденская провинция) [Лукоянов 2008, с. 516]. В октябре 1900 г. в канцелярии дипломатического чиновника в Порт-Артуре было парафировано временное соглашение с представителями мукденского цзянь-цзюня (военного губернатора) о порядке управления провинцией. С российской стороны за вице-адмирала Алексеева документ подписал Коростовец¹⁷. Фактическое установление русской власти в южной Маньчжурии повлекло за собой существенное расширение полномочий дипломатической части в Порт-Артуре: необходимо было защищать интересы российских подданных на новой территории (тем более что в Маньчжурии, кроме Инкоу (Нючжуана), открытого для европейской торговли еще по Тяньцзиньскому договору 1858 г., в это время не было российских консульств), вести значи-

¹⁴ Там же. Л. 80.

¹⁵ Там же. Л. 117.

¹⁶ Там же. Л. 125.

¹⁷ *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 128–129.

тельно увеличившуюся по объему переписку с китайскими учреждениями, а также сопровождать главного начальника Квантунской области во время его инспекционных поездок по провинции¹⁸.

В марте 1901 г. в законодательном порядке учреждается специальная должность чиновника МИД VI класса в Маньчжурии с местопребыванием в Мукдене¹⁹. По своему функционалу эта должность была близка к консульской, но по дипломатическим соображениям она таковой не именовалась²⁰. Чиновник МИД должен был взять на себя часть полномочий дипломатической части в Порт-Артуре в отношении Мукденской провинции Маньчжурии. Де-юре чиновник МИД в Мукдене находился в двойном подчинении – Министерства иностранных дел и главного начальника Квантунской области, а де-факто он оказался еще и в оперативном подчинении состоявшего при вице-адмирале Алексееве дипломатического чиновника. Назначение на должность чиновника МИД в Мукдене получил коллежский асессор Сергей Александрович Колоколов²¹.

Весной–летом 1901 г. функционирование дипломатической части в Порт-Артуре осложнилось из-за непростой кадровой ситуации. Участие в военной экспедиции в Маньчжурии подорвало здоровье Коростовца, который почти месяц находился на лечении в Японии²², а у Тидемана в мае заканчивался пятилетний срок службы в Китае, и он собирался в положенный ему по закону отпуск. К тому же 1 мая 1901 г. уволился один из китайских письмоводителей – Шао Сяньцяо, которому, впрочем, достаточно быстро нашли замену в лице его соотечественника Тао Юньцуня²³. МИД решил на время отпуска Тидемана командировать в Порт-Артур только что направленного на стажировку в российскую миссию в Пекине выпускника восточного факультета

¹⁸ АВПРИ. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 1. Л. 154; *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 135.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 247. Л.1. Это была уже вторая должность чиновника МИД VI класса в Маньчжурии. Первая подобная должность появилась в Гирине в июне 1899 г. – см.: АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 277. Л. 2.

²⁰ В 1906–1907 гг. все должности чиновников МИД VI класса в Маньчжурии будут преобразованы в российские консульства. Подробнее об этом см.: [Нестерова 2023].

²¹ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 247. Л. 2–5.

²² Там же. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 1. Л. 161–162.

²³ Там же. Л. 177.

С-Петербургского университета коллежского секретаря Николая Кузьмича Эльтекова²⁴. Гораздо сложнее оказалось найти замену Коростовцу, которому после медицинского обследования был рекомендован длительный отпуск. В военных и дипломатических кругах рассматривалось несколько кандидатур. Вице-адмирал Алексеев предлагал назначить на место Коростовца российского вице-консула в Чифу Виктора Федоровича Гроссе, которого он хорошо знал еще по маньчжурской военной операции. Сам Гроссе, как это видно из его частного письма, адресованного Коростовцу, был готов поменять Чифу на Порт-Артур²⁵. Но против этой комбинации выступил МИД. Там решили временно командировать в Порт-Артур назначенного в Мукден С.А. Колоколова, о чем министр иностранных дел В.Н. Ламздорф 25 июня 1901 г. телеграфировал Алексееву²⁶. Вследствие межведомственных разногласий почти весь 1901 г. характеризовался для дипломатической части своеобразным «безвластием», и во главе ее в качестве временно исполняющих обязанности успели побывать практически все ее должностные лица: П.Г. Тидеман, Н.К. Эльтеков²⁷ и даже находившийся в фактическом подчинении дипломатического чиновника С.А. Колоколов²⁸. Лишь к лету 1902 г. удалось покончить с кадровой чехардой.

В июне 1902 г. должность чиновника по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области занял коллежский советник Георгий (Егор) Антонович Плансон²⁹. В отличие от своего предшественника Коростовца, Плансон до этого назначения служил исключительно в центральном аппарате ведомства – в Азиатском (Первом) Департаменте МИД. К моменту перевода Плансона в Порт-Артур Коростовец, Тидеман и Эльтеков уже получили новые назначения: Коростовец на должность генерального консула в Бушире (Персия), Тидеман – вице-консула в Чифу, а Эльтекова отозвали в распоряжение МИД. Секретарем-драгоманом при новом руководителе дипломатической части был назначен коллежский

²⁴ Там же. Л. 128, 132.

²⁵ Там же. Л. 163–164.

²⁶ Там же. Л. 167.

²⁷ Там же Л. 312–331.

²⁸ Там же. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1875. Л. 2, 10.

²⁹ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1903. СПб. 1903. С. 339.

В ведомственных изданиях он фигурирует и как Георгий Антонович (см.: Ежегодник Министерства иностранных дел за 1903 г.), и как Егор Антонович (см.: Памятная книжка Квантунской области за 1902–1903 гг.). В служебной переписке к нему также обращаются по-разному – то Георгий Антонович, то Егор Антонович.

секретарь Владимир Васильевич Долбежев³⁰. Пост письмоводителя сохранил за собой Тао Юньцунь³¹.

Самой сложной проблемой для нового руководителя дипломатической части в Порт-Артуре стал вопрос о пребывании русских войск в Маньчжурии. Министерство иностранных дел выступало за прекращение оккупации и вывод войск из Маньчжурии, вице-адмирал Алексеев, напротив, склонялся к аннексии края, хотя и не решался озвучивать это вслух [Лукоянов 2008, с. 404]. Чиновнику по дипломатической части, находившемуся в двойном подчинении – внешнеполитического ведомства и главного начальника Квантунской области, постоянно приходилось лавировать между этими силами и искать компромиссное решение проблемы.

Возглавляя дипломатическую часть в Порт-Артуре, Плансон по делам службы регулярно выезжал в Пекин. Во время одной из таких командировок, совпавшей по времени с началом длительного отпуска российского посланника в Пекине П.Л. Лессара, Министерство иностранных дел возложило на Плансона временное управление миссией в Пекине³². Оставаясь де-юре руководителем дипломатической части в Порт-Артуре Плансон управлял миссией в Пекине до середины мая 1903 г. Совмещение постов способствовало росту авторитета должности чиновника по дипломатической части в Порт-Артуре как среди российских дипломатов, аккредитованных в Китае, так и в военных кругах.

Еще в марте 1902 г. между Россией и Китаем было подписано соглашение о выводе российских войск из Маньчжурии. В качестве условий прекращения оккупации Россия хотела добиться от Китая гарантий о недопущении деятельности иностранцев и их компаний в Маньчжурии. Разработку дополнительных требований к китайскому правительству поручили Плансону, который должен был представить их на согласование в МИД до истечения первой фазы вывода войск из Маньчжурии, т. е. до 26 марта 1903 г. Подготовленный Плансоном документ получил одобрение со стороны министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и Николая II и лег в основу российской ноты Китаю от 5 апреля 1903 г. [Лукоянов 2008, с. 405]. Столь успешная деятельность Плансона, которому удалось выпол-

³⁰ Назначение В.В. Долбежева носило формальный характер, так как по распоряжению МИД он был оставлен в Урге, где служил до этого, и к новому месту службы в Порт-Артур, он так и не прибыл (АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 2236. Л. 6–7).

³¹ Памятная книжка Квантунской области за 1902–1903 гг. Ч. 2: Личный состав правительственных учреждений Квантунской области. Порт-Артур, 1902. С. 16.

³² АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1908. Л. 1–3.

нить ответственное поручение внешнеполитического ведомства, наладить контакты с представителями военных кругов и сохранить деловые служебные отношения с вице-адмиралом Алексеевым, превратили его в основного кандидата на должность руководителя дипломатической канцелярии Дальневосточного наместничества, подготовка к созданию которого летом 1903 г. вступила в решающую фазу.

Чиновник по дипломатической части при наместнике на Дальнем Востоке

Дальневосточное наместничество, включившее в свой состав Приамурское генерал-губернаторство и Квантунскую область, было учреждено высочайшим указом от 30 июля 1903 г. Этим же указом во главе наместничества поставили бывшего главного начальника Квантунской области Е.И. Алексеева, незадолго до этого получившего чин адмирала. «В заведовании наместника областей Дальнего Востока, — отмечалось в указе, — сосредоточить дипломатические сношения по делам сих областей с соседними государствами»³³.

Расширение дипломатических полномочий наместника повлияло на статус дипломатической части в Порт-Артуре. Она была реорганизована в дипломатическую канцелярию при наместнике, что, в свою очередь, потребовало усиления ее личного состава. С соответствующей просьбой Алексеев обратился к министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу, а Плансон — к посланнику в Пекине П.Л. Лессару. Внешнеполитическое ведомство согласилось направить в Порт-Артур в помощь Плансону секретаря консульства в Инкоу (Нючжуане) В.О. Эттингена и студента миссии в Пекине Н.С. Мулюкина³⁴. Однако вскоре возникла непредвиденная ситуация. На 1903 г. пришелся пик русской и китайской миграции на Ляодунский полуостров [Павлов 2018, с. 95], и размещать новых сотрудников дипломатической части было совершенно негде. Эттинген поселился у своих хороших знакомых, приезд Мулюкина даже хотели отсрочить, но потом нашли возможность ежемесячно выделять ему квартирные деньги в размере 50 рублей с отнесением означенного расхода на счет чрезвычайных издержек³⁵. В целях недопущения в будущем подобных ситуаций было принято реше-

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 23. № 23 319. С. 876.

³⁴ АВПРИ. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 1. Л. 34–40.

³⁵ Там же. Л. 41–43.

ние о строительстве в Порт-Артуре отдельного дома для дипломатической канцелярии. Однако завершить строительство здания для дипломатического чиновника помешала начавшаяся вскоре война с Японией: из отпущенных на строительство 50 тыс. рублей успели освоить всего около 9 тыс. рублей³⁶.

С созданием наместничества система управления Дальним Востоком значительно усложнилась. Хотя Приамурское генерал-губернаторство как административно-территориальное образование исчезло из официального перечня генерал-губернаторств³⁷, канцелярия генерал-губернатора и дипломатическая часть при генерал-губернаторе в Хабаровске продолжали функционировать. Только теперь дипломатический чиновник в Хабаровске оказался в служебной зависимости от начальника дипломатической канцелярии в Порт-Артуре. Расширилась также сеть представителей внешнеполитического ведомства в Маньчжурии: ко времени учреждения наместничества чиновники МИД были назначены уже во все три ее провинции с местопребыванием в Гирине, Мукдене и Цицикаре³⁸. Следовало уточнить их взаимную служебную иерархию. Кроме того, затягивание оккупации Маньчжурии породило серьезные разногласия между чиновниками МИД и военными комиссарами, особенно острый характер их взаимоотношения приобрели в Гиринской и Мукденской провинциях³⁹. В целях разработки административного механизма для управления Дальним Востоком и упорядочения отношений между гражданскими и военными властями в Маньчжурии в сентябре 1903 г. в Порт-Артуре создавали специальную комиссию. Из всех представителей внешнеполитического ведомства официально в состав комиссии включили только Г.А. Плансона⁴⁰. Впрочем, в Порт-Артур были вызваны чиновники МИД из Мукдена (С.А. Колоколов) и Цицикара (Н.Г. Поппе), а также чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске А.Н. Грушецкий, которые приглашались на ее отдельные заседания⁴¹.

В подготовленном комиссией проекте Положения об управлении областями Дальнего Востока был предварительно очерчен круг полномочий дипломатической канцелярии в системе наместнического управления. Помимо передачи в ее ведение переписки намест-

³⁶ Там же. Д. 18. Л. 159–161.

³⁷ См.: Ежегодник Министерства иностранных дел. 1904. СПб., 1904. С. 29.

³⁸ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 2009. Л. 57.

³⁹ Там же. Л. 95.

⁴⁰ Там же. Ф. 327: Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 295. Л. 7.

⁴¹ Там же. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1546. Л. 87.

тника с пограничными властями Китая, Японии и Кореи, а также с российскими учреждениями – Министерством иностранных дел и его представителями в этих странах по пограничным делам (традиционный круг предметов ведения дипломатической части при генерал-губернаторе), в канцелярии предполагалось также сосредоточить переписку наместника с высшими властями сопредельных государств⁴². Таких полномочий в сфере внешней политики не было ни у кого из приграничных генерал-губернаторов и состоявших при них дипломатических чиновников. Согласно проекту штата канцелярии, ее должен был возглавить директор, которому присваивался IV класс по Табели о рангах. В пояснительной записке к проекту подчеркивалось, что «директор канцелярии по своему положению приравнивается к директорам канцелярий и департаментов министерств и должен быть лицом достаточно опытным и авторитетным, чтобы передавать указания наместника всем чинам дипломатического ведомства на Дальнем Востоке»⁴³, т. е. он превращался в своеобразного министра иностранных дел при наместнике. На содержание дипломатической канцелярии предполагалось ежегодно выделять фантастическую сумму – 68 150 рублей⁴⁴. Проект вызвал серьезные возражения со стороны центральных ведомств. В одном из отзывов на проект подчеркивалось, что «передача дипломатической канцелярии наместника в полном объеме обязанностей МИД по перечисленным выше делам грозит весьма невыгодными последствиями для политических интересов Империи»⁴⁵. В результате отрицательных заключений со стороны большинства откликнувшихся на проект министерств и ведомств он не был утвержден, работа над окончательным вариантом документа затянулась, и его не удалось принять до начала русско-японской войны.

Война с Японией, разразившаяся в конце января 1904 г., внесла серьезные коррективы в организацию работы дипломатической канцелярии при наместнике. На первом этапе войны командование армией и флотом на Дальнем Востоке было поручено адмиралу Алексееву. Как и во время маньчжурской операции (1900 г.), когда сотрудники дипломатической части были прикомандированы к походному штабу командующего, Алексеев приказом от 7 февраля 1904 г. объявил о создании походной дипломатической канцелярии в составе управляющего (Г.А. Плансон), двух секретарей (Н.К. Эльтеков и Н.П. Вульф), помощника секретаря (Н.С. Мулюкин)

⁴² Там же. Л. 189.

⁴³ Там же. Л. 35.

⁴⁴ Там же. Л. 79.

⁴⁵ Там же. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 13. Л. 7.

и письменного переводчика (Чомбаев)⁴⁶. Кроме того, сверх штата в состав канцелярии был включен в качестве драгомана китайского языка Д.И. Щербаков, числившийся по военному ведомству и рекомендованный Алексееву директором пекинского отделения Русско-китайского банка⁴⁷. Министерство иностранных дел предложило пополнить ее состав сотрудниками внешнеполитического ведомства, оказавшимися в то время в Порт-Артуре, – вице-консулом М.М. Геденштромом и отозванным из Хакодате и причисленным к Первому департаменту МИД титулярным советником И.П. Дмитриевым. Но Алексеев, усмотревший в этом банальную попытку внешнеполитического ведомства пристроить своих сотрудников, лишившихся из-за войны постов в Японии, не дал своего согласия⁴⁸. Одновременно с формированием походной дипломатической канцелярии учреждается дипломатическая часть и при командующем маньчжурской армией генерале А.Н. Куропаткине. Она была образована вопреки мнению Алексеева, усмотревшего в этом умаление его роли как наместника и главнокомандующего⁴⁹. Возглавил ее дипломатический чиновник при приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушецкий, которого перевели из Хабаровска в Ляоян (Маньчжурия)⁵⁰.

Так как главная квартира адмирала Алексеева с февраля 1904 г. находилась в Мукдене, то вскоре туда переместилась и его походная дипломатическая канцелярия. Плансон неизменно сопровождал наместника в его поездках по Маньчжурии, в том числе при посещении Порт-Артура⁵¹. С первых дней войны с Японией Плансон организовал регулярное информирование МИД и подчиненных ему учреждений – миссии в Пекине и консульских представительств в Китае о ходе военных действий. 24 марта 1904 г. он предложил расширить эту практику и сообщать краткие достоверные сведения о главнейших событиях с театра военных действий более широкому кругу российских заграничных учреждений, на что было получено разрешение со стороны МИД⁵².

Весной 1904 г. в составе походной дипломатической канцелярии наместника произошли незначительные кадровые изменения. В связи с назначением В.В. Долбежева, который в течение двух лет

⁴⁶ Там же. Д. 18. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Л. 6, 11.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 212. Л. 55–56.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 18. Л. 96.

⁵¹ Там же. Д. 20. Л. 26–27, 37.

⁵² Там же. Л. 28.

лишь числился в управлении дипломатического чиновника в Порт-Артуре, консулом в Урумци (Синцзянь), формально занимаемая им должность драгомана японского языка стала вакантной. На нее планировалось назначить бывшего студента российской миссии в Токио В.В. Траутшольда, которого лично знал Алексеев. Соответствующий приказ по МИД был подписан 19 мая, но до места службы Траутшольд не доехал, так как заболел тифом, и на его место был временно назначен прапорщик П. Г. Васкевич⁵³.

Высадка японского десанта на Ляодунском полуострове и начало наступления японских войск в Южной Маньчжурии заставили адмирала Алексеева перенести главную квартиру, а вместе с ней и походную дипломатическую канцелярию из Мукдена в Харбин. В Мукдене после переезда дипломатической канцелярии в Харбин остался чиновник МИД коллежский секретарь П.К. Усатый. В этой связи напомним, что правовой статус чиновников МИД в Маньчжурии не был четко урегулирован при учреждении данной должности, в условиях же военного времени это обстоятельство несло в себе угрозу для их безопасности и даже жизни. В августе 1904 г. ввиду японских успехов деятельность дипломатического чиновника в Мукдене оказалась парализованной: местный военный комиссар его игнорировал, большая часть русских подданных покинула город, китайское население открыто проявляло к нему враждебность. Однако Министерство иностранных дел не спешило отзывать своего представителя, и только благодаря настойчивости Плансона в сентябре 1904 г. Усатый получил разрешение покинуть город и организовать отправку документации мукденского представительства в Харбин⁵⁴. Впрочем, по поручению наместника он несколько раз выезжал в кратковременные командировки в Мукден для отправления обязанностей по своей должности⁵⁵.

Неудачи на фронте (особенно поражение на р. Шахэ) подорвали положение Алексеева. 13 октября 1904 г. Николай II принял решение о его замене на посту главнокомандующего на дальневосточном театре военных действий генералом А.Н. Куропаткиным. Хотя речь пока не шла об упразднении наместничества, было очевидно, что наместничество на Дальнем Востоке вряд ли сохранится в прежнем виде и его ожидают серьезные перемены. Среди структур наместнического управления, которые в первую очередь подлежали реорганизации, оказалась и дипломатическая часть при наместнике. Как уже отмечалось выше, еще при назначении Куропаткина командующим маньчжурской армией при нем учредили самостоя-

⁵³ Там же. Д. 18. Л. 53–57.

⁵⁴ Там же. Д. 13. Л. 76–77.

⁵⁵ Там же. Л. 81.

тельную дипломатическую часть (ее возглавлял А.Н. Грушецкий), которая теперь по факту превращалась в походную канцелярию при главнокомандующем. Наличие двух дипломатических канцелярий в новых условиях было излишним, поэтому на следующий день после смены главнокомандующего (14 октября 1904 г.) последовало высочайшее повеление о выделении из состава полевого штаба наместника канцелярии по дипломатической части и преобразовании ее в дипломатическую канцелярию гражданского управления с подчинением Алексееву по званию наместника⁵⁶. Гражданские чины канцелярии – Плансон, Эльтеков, Вульф, Мулюкин остались в ней и продолжали числиться на службе по ведомству Министерства иностранных дел⁵⁷, а прикомандированные к канцелярии в период нахождения ее в составе полевого штаба военные чины – Щербаков и Васкевич приказом по военному ведомству были зачислены в штаб нового главнокомандующего⁵⁸. Вскоре адмирал Алексеев был вызван в Петербург, вместе с ним в столицу отправились Плансон, Эльтеков и Вульф⁵⁹. Из чинов канцелярии в Харбине оставили Мулюкина, возложив на него временное управление ею. Уже 4 ноября 1904 г. Мулюкин получил предписание Плансона готовить делопроизводство и архив дипломатической канцелярии к отправке в Петербург⁶⁰. Формально дипломатическая канцелярия при наместнике продолжала работать и после ее переезда в Петербург, но в ней, после сокращения ее штата в декабре 1904 г., числились лишь два сотрудника – Плансон и Эльтеков, занимавшиеся приведением в порядок обширной переписки канцелярии⁶¹. Де-юре она была расформирована в июне 1905 г. в связи с оставлением адмиралом Алексеевым поста наместника на Дальнем Востоке⁶².

Заключение

Дипломатическая часть в Порт-Артуре была учреждена в августе 1899 г. Сначала она функционировала при начальнике Квантунской области, а после образования в 1903 г. Дальневосточного наместничества – при наместнике на Дальнем Востоке. Подобные структуры существовали во многих приграничных генерал-

⁵⁶ Там же. Д. 18. Л. 36.

⁵⁷ Там же. Л. 37.

⁵⁸ Там же. Л. 123, 131.

⁵⁹ Там же. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1908. Л. 30.

⁶⁰ Там же. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 18. Л. 121.

⁶¹ Там же. Д. 13. Л. 3.

⁶² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 213. Л. 16.

губернаторствах империи и занимались обеспечением реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов и наместников, а также решением пограничных вопросов с соседними государствами. Дипломатическая часть в Порт-Артуре в целом действовала в тех же организационных и правовых рамках, что и дипломатические чиновники при генерал-губернаторах внутренних окраин страны. Тем не менее учреждение данной должности на территории Квантунской области, являвшейся эксклавом России, стало новацией в административной практике. Международно-правовой статус Квантуна как арендованной территории, вовлеченность России в военные конфликты на Дальнем Востоке, постоянные изменения в системе управления регионом – все эти факторы оказали непосредственное влияние на круг предметов ведения, кадровый состав, характер деятельности и объем финансирования дипломатической части в Порт-Артуре и во многом определили ее особенности. Потеря Ляодунского полуострова и последующее упразднение наместничества привели к расформированию дипломатической канцелярии в Порт-Артуре.

Литература

- Иконникова 2012 – *Иконникова Т.Я.* Оформление отношений с консульским корпусом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908–1912 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 26–34.
- Иконникова 2001 – *Иконникова Т.Я.* С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 38–41.
- Кудрявцева 2018 – *Кудрявцева Е.П.* Деятельность Оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. № 3. С. 51–55.
- Куликов 2021 – *Куликов В.И.* Дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в административной системе Российской империи // История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М.: РГГУ, 2021. С. 201–208.
- Куликов 2023 – *Куликов В.И.* Формирование механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов в Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 47–64.
- Лукоянов 2008 – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. 664 с.

- Нестерова 2023 – *Нестерова Е.И.* Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 67–79.
- Нестерова 2004 – *Нестерова Е.И.* Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушецкий // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России: IV Гродековские чтения. Хабаровск, 2004. Ч. 1. С. 73–77.
- Павлов 2018 – *Павлов Д.Б.* Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905): прецедент модернизационного колониализма? // Российская история. 2018. № 1. С. 85–108.
- Сорокина 2005 – *Сорокина Т.Н.* Должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 223–260.
- Турилова, Орлов 2015 – *Турилова С.Л., Орлов А.А.* И.Я. Коростовец – российский дипломат, ученый, литератор // Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): Сборник научных трудов. Улан-Батор; Иркутск, 2015. С. 208–220.
- Шаронова 2021 – *Шаронова В.Г.* Вклад генерального консула Российской империи в Пекине Н.Ф. Колесова в укрепление российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в. // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. 26. М., 2021. С. 449–463.

References

- Ikonnikova, T.Ya. (2012), “Formalizing relations with the consular corps in the Amur General Government (1908-1912)”, *Russia and the Pacific*, no. 1, pp. 26–34.
- Ikonnikova, T.Ya. (2001), “S.M. Dukhovskoy and the establishment of the post of a diplomatic official under the Amur Governor-General”, in *Tret'i Grodekovskie chteniya: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dal'nii Vostok Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy zaseleniya i osvoeniya territorii»* [Third Grodekov Conference: Proceedings of the regional scientific and practical conference “The Russian Far East: Historical Experience and Current Issues of Settlement and Development of the Territory”], Khabarovsk, Russia, part 1, pp. 38–41.
- Kudryavtseva, E.P. (2018), “Activity of the Orenburg Border Commission as a division of the Russian Foreign Ministry”, *Izvestiya of the Samara Science Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 3. pp. 51–55.
- Kulikov, V.I. (2021), “Diplomatic official under the Governor-General in the administrative system of the Russian Empire”, in *Istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti. Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina* [History of Russian statehood. Reports of the International Scientific Conference commemorating the 100th anniversary of the birth of professor N.P. Eroshkin], RGGU, Moscow, Russia, pp. 201–208.

- Kulikov, V.I. (2023), "Formation of a mechanism for the implementation of the foreign policy powers of Governors-General in Eastern Siberia (second half of the 19th – beginning of the 20th century)", *Science and Art of Management. Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, pp. 47–64.
- Lukoyanov, I.V. (2008), «*Ne otstat' ot derzhav...: Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v.*» ["Keep up with the power-states...". Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries], Saint Petersburg, Russia.
- Nesterova, E.I. (2004), "A diplomatic official under the Amur Governor-General A.N. Grushetsky", in *Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii. IV Grodekovskie chteniya* [Amur region in the historical, cultural and natural-scientific context of Russia. IV Grodekov Conference], Khabarovsk, part 1, pp. 73–77.
- Nesterova, E.I. (2023), "Opening of the Russian Consulate General in Harbin. Prehistory (1906–1907)", *Istoricheskii kur'er*, vol. 29, no. 3, pp. 67–79.
- Pavlov, D.B. (2018), "Chinese Kwantung under the Russian lease (1898–1905). A precedent for modernizing colonialism?", *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, pp. 85–108.
- Sharonova, V.G. (2021), "The contribution of the Consul General of the Russian Empire in Beijing N.F. Kolesov to strengthening Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th centuries", in *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and the present], iss. 26, pp. 449–463.
- Sorokina, T.N. (2005), "The position of diplomatic official under the Amur Governor-General", in Suvorova, N.G., ed., *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statei k 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Remneva* [Asian Russia. People and structures of the Empire. Collected scientific articles commemorating the 50th anniversary of the birth of professor A.V. Remnev], Omsk, Russia, pp. 223–260.
- Turilova, S.L. and Orlov, A.A. (2015), "I.Ya. Korostovets – a Russian diplomat, scientist, writer", in *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka): sbornik nauchnykh trudov* [Russia and Mongolia in the first half of the 20th century. Conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science). Collected Scientific papers], Ulan Bator, Irkutsk, pp. 208–220.

Информация об авторе

Владимир И. Куликов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kulikov_59@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-5394-3747

Information about the author

Vladimir I. Kulikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kulikov_59@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-5394-3747